НЕЛЬСОН ФИЛЛИПС, СИНТИЯ ХАРДИ

ЧТО ТАКОЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗ?

Phillips, Nelson & Hardy, Cynthia. (2002) What Is Discourse Analysis? In N.Phillips and C.Hardy *Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction.* Thousand Oaks, CA: Sage. PP. 1-18.

> *«Её знание обо мне было настолько глубоким, её понимание меня было настолько точным, что оно скрепляло всё богатство моих идентичностей. Чтобы не сойти с ума, мы выбираем между различными, противоречивыми описаниями своего Я; и я выбрал её описание. Я принял имя, которое она дала мне, её критику и любовь, и я назвал этот дискурс самим собой»*
>
> *Salman Rushdie, The ground beneath her feet (2000, p.510)*
>
> Перевод эпиграфа *Е.Кожемякина.*

Эта книга – о дискурсе. Точнее, она о способности незавершенных, неоднозначных и противоречивых дискурсов производить социальную действительность, которую мы воспринимаем как надежную и реальную. Мы понимаем дискурс в радикальном, конститутивном ключе – в духе Рушди: объекты, составляющие социальный мир, включая наши идентичности, формируются в дискурсе. Иными словами, то, что мы говорим, и то, чем мы являемся, суть одно и то же. Однако мы не склонны разделять идею Рушди о том, что индивиды всегда обладают роскошью выбора своей идентичности, истины и реальности. Мы полагаем, что наш опыт в значительной степени предопределен множеством конфликтующих дискурсов, частью которых являемся и мы сами. Это не означает, что стратегически мы не можем сами оперировать дискурсами. Конечно, можем. Но наша способность стратегически действовать всегда ограничена дискурсами, сопровождающими наши действия, и сложными процессами социального конструирования, предшествующими им. Нашу трактовку дискурса можно сформулировать следующим образом: без дискурса не существует социальной реальности, и не поняв дискурс, мы не можем понять реальность, опыт и нас самих.

Признание важности роли дискурса в повседневной жизни – это наша отправная точка. Эта книга также о процессе изучения дискурса и о потенциале дискурсной методологии для раскрытия процессов социального конструирования, конституирующих социальную и организационную жизнь. Дискурс-анализ предлагает новые возможности эмпирических исследований, которые сформировались в рамках лингвистического поворота за последние 20 лет в социальных и гуманитарных науках. В то время, как иные качественные методы располагают хорошо разработанными подходами к интерпретации социальной реальности и смыслов, которые содержатся в ней, дискурс-анализ идет несколько дальше, охватывая сферу последовательной социально-

конструктивистской эпистемологии (Berger and Luckmann, 1967; Gergen, 1999). Он обращает внимание на процессы, в которых и с помощью которых конструируется и поддерживается социальная реальность. Он также включает в себя академический проект как таковой: акцентируя рефлексивность, он как бы напоминает читателям, что, используя язык, производя тексты и выстраивая дискурсы, исследователи и исследовательские группы являются частью конструктивных эффектов дискурса.

Эта книга была написана по трем причинам. Во-первых, мы находим дискурс-анализ перспективной теоретической базой изучения социальной реальности. Наша книга представляет собой попытку прояснения того вклада, который дискурс-анализ вносит в изучение индивидов, организаций и общества. Во-вторых, дискурс-анализ проявил себя как достаточно эффективный метод в ряде эмпирических дисциплин, которые активно используют его на протяжении последних 10 лет. Мы хотим заинтересовать исследователей в применении этого подхода и надеемся, что наш обзор поспособствует этому. В-третьих, мы приложили немало усилий в последние 10 лет к тому, что применить дискурс-анализ к различным исследовательским контекстам. В этой книге мы хотели бы предостеречь других исследователей от столкновения с теми трудностями, с которыми столкнулись мы. Предлагая общую схему понимания различных форм дискурс-анализа и применяя ее к эмпирическому изучению организационных, интерорганизационных и социетальных феноменов, мы хотим предостеречь исследователей от «изобретения велосипеда».

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

В литературе встречается большое количество определений дискурса и дискурс-анализа. Так, ван Дейк во введении к 700-страничному двухтомному изданию о дискурсе (1997a, 1997b) утверждает, что вся работа представляет собой «развернутый ответ» на казалось бы простой вопрос «Что такое дискурс?». Несмотря на сложность поставленной задачи, нам, тем не менее, нужна некая общая идея того, к чему мы обращаемся, используя «дискурс-анализ» и связанны с ним термины. Мы также должны различать дискурс-анализ и прочие количественные методы, объясняющие смысл социальных феноменов. В этом разделе мы рассматриваем некоторые из важных понятий, связанных с дискурс-анализом. Мы также рассматриваем статус дискурс-анализа как, скорее, методологию, нежели метод – то есть как эпистемологию, объясняющую способы познания социального мира, а также как систему методов, необходимых для изучения этого. Итак, мы отграничиваем дискурс-анализ от иных качественных исследовательских методов, таких как этнографические (Erickson & Stull, 1997; Schwartzmann, 1993), этнометодологические (Coulon, 1995), конверсационный анализ (Psathas, 1995), нарративный анализ (Czarniawska, 1998; Riessmann, 1993).

Определение основных понятий

В самом общем смысле дискурс имеет отношение к актуальным практикам говорения и письма (Woodilla, 1998). Мы используем этот термин более специфически: мы определяем дискурс как взаимосвязанный набор текстов, а также практик их производства, распределения и рецепции, что в совокупности формирует объекты (Parker, 1992). Например, совокупность текстов различного вида, которые составляли дискурс психиатрии, перевела идею бессознательного в ранг реальных объектов в XIX веке (Foucault, 1965). Иными словами, социальная реальность производится и становится реальной в рамках дискурсов, а социальные взаимодействия не могут быть полностью поняты без отнесения к дискурсам, в которых формируются их значения. Так, наша задача как дискурс-аналитиков – изучить связь между дискурсом и реальностью.

Дискурсы реализуются с помощью различных текстов, хотя они существуют вне конкретных текстов, которые их составляют. Тексты, таким образом, могут рассматриваться как дискурсные «единства» и материальные воплощения дискурса (Chalaby, 1996). Тексты могут приобретать различные формы, включая письменные тексты, устные слова, изображения, символы, артефакты и т.д. (Grant, Keenoy & Oswick, 1998).

> *«Тексты представляют собой места проявления комплексов социальных значений произведенные в конкретной исторической ситуации, которые фиксируют фрагментарные истории как участников производства текста, так и институций, вовлеченных в игру, фрагментарные истории как языка, так и социальной системы, и эта фрагментарность связана с структурированием отношений власти меду участниками» (Kress, 1995).*

Тексты не обладают смыслами сами по себе; они приобретают смысл только в процессе взаимодействия с другими текстами, дискурсами, с которыми они связаны, способами их производства, «рассеивания» и потребления. Дискурс-анализ направлен на изучение того, как тексты *приобретают* значение в этих процессах, а также их роли в конструировании социальной реальности в процессе создания значений (Phillips & Brown, 1993).

Итак, дискурс-анализ направлен на изучение конструктивных эффектов дискурса в рамках структурированного и систематичного исследования текстов (Hardy, 2001). Тем не менее, дискурсные практики осуществляются не в вакууме, а дискурсы не «обладают» значениями. Напротив, дискурсы коллективно разделяемы и социальны, рождаясь из взаимодействия между социальными группами и сложными социетальными структурами, в которые интегрированы дискурсы. Соответственно, если мы хотим понять дискурс и его эффекты, мы должны также понять контекст, в котором он возникает (Scherzer, 1987; Van Dijk, 1997a).

> *«Дискурс не может быть произведен вне контекста и не может быть понят без рассмотрения контекста…Одни дискурсы всегда связаны с другими, ранее произведенными дискурсами, а также с теми, которые производятся в тот же момент и будут произведены после» (Fairclough & Wodak,*

1997, p.277).

Таким образом, наш подход к изучению дискурса является «трехаспектным» (Fairclough, 1992), в том смысле, что он направлен на анализ текстов в рамках дискурсов, локализуя их в историческом и социальном контексте, в связи с чем мы вынуждены прибегать к изучению конкретных акторов, отношений и практик, характеризующих предмет исследования.

Рассмотрим конкретный пример. Для того, чтобы с дискурс-аналитической точки зрения понять, почему конкретный человек является беженцем, мы должны понять как такие дискурсы убежища, иммиграции, гуманитаризма, суверенитета и другие способствуют наделению понятия «беженец» определенными значениями. Чтобы понять, как эти дискурсы эволюционировали в течение времени, мы можем рассмотреть такие тексты, как мультипликационные фильмы, газетные статьи и международные конвенции. Мы должны также изучить социальный контекст – войны, природные катастрофы, судебные решения, международные соглашения, современное правительство, политические события в других странах – для того, чтобы определить степень их вовлеченности в изучаемые дискурсные события. Это взаимодействие между текстом, дискурсом и контекстом поможет нам понять не только то, как конкретный человек стал беженцем, но и как конструируется и переживается более широкая реальность миграционной политики и процедур установления статуса беженца.

В целом, интерес к связи между дискурсом и социальной реальностью обязывает нас изучать конкретные тексты как проявления дискурсов, но мы не можем найти дискурсы в самих – отдельно взятых – текстах. Стало быть, мы должны изучать совокупности текстов, которые интегрируют и производят дискурсы (Parker, 1992). Мы не можем просто фокусировать наше внимание на одном тексте; напротив, мы должны анализировать комплексы текстов, поскольку речь идет о связи между текстами, изменениях в текстах, новых текстуальных формах, новых системах распространения текстов, что в целом конституирует дискурс во времени. Равным образом, мы должны учитывать социальный контекст, в котором существуют тексты и производятся дискурсы. Именно изучение связи между дискурсами и конституируемой ими социальной реальностью делает дискурс-анализ сильным методом исследования социальных феноменов.

Дискурс-анализ как метод и методология

Причина попыток дискурс-аналитиков связать текст, дискурс и контекст связана с тем, что дискурс-анализ представляет собой не столько метод, сколько методологию, базирующуюся на прочной социально-конструктивистской точке зрения на социальную реальность (Gergen, 1999). Дискурс-аналитические подходы разделяют интерес к конструктивным эффектам языка и являются рефлексивными – а также интерпретативными – способами анализа (Parker & Burman, 1993). В этом смысле дискурс-анализ не просто представляет собой комплекс техник структурированного качественного исследования текстов; он базируется на ряде допущений о конструктивных эффектах языка.

> *«(Дискурс-анализ) не является просто методом; он представляет собой подход к изучению природы языка в связи с центральными концептами социальных наук. Точнее, мы рассматриваем дискурс-анализ как совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса – подходов, которые предполагают не только практики сбора и обработки информации, но и ряд метатеоретических и теоретических допущений, а также систему принципов и методов исследования» (Wood & Kroger, 2000, p.X.).*

Дискурс-анализ разделяет интерес всех качественных подходов к процессам означивания социальной жизни (Winch, 1958), но он также направлен на более глубокое изучение неоднозначного статуса значения. Традиционные качественные подходы часто принимают социальный мир как само собой разумеющийся и направлены на выявление смысла этого мира для участников. Дискурс-анализ, в свою очередь, связан с попытками изучения того, как создаются социально произведенные идеи и объекты, составляющие социальный мир, и как они поддерживаются и актуализируются во временном аспекте. В то время как другие качественные методологии работают на понимание и интерпретацию социальной реальности как данности, дискурс-анализ направлен на изучение способов ее производства. В этом заключается основная задача дискурс-анализа: он изучает, как язык конструирует феномены, а не как он отражает или раскрывает их. Иными словами, в дискурс-анализе принято рассматривать дискурс как конститутив социального мира, а не путь к нему, и исходить из того, что мир не может быть познан независимо от познания дискурса.

Итак, то, что принципиально отличает дискурс-анализ, - это его прочные связи с социально-конструктивистской точкой зрения, а также то, как он ориентирован на изучение связей между текстом, дискурсом и контекстом. Несмотря на то, что исследования значительно отличаются между собой в зависимости от степени комбинирования текста и контекста, дискурс-анализ предполагает, что невозможно отделить дискурс от его широкого контекста, и располагает различными инструментами анализа текстов как выражения дискурсов, в которые они интегрированы. Это отличает дискурс-анализ от иных видов качественного исследования. Например, такие подходы, как нарративный или конверсационный анализы традиционно изучают письменные и устные тексты. Они принимают контекст во внимание для того, чтобы определить значения, но обычно не рассматривают связь с более широкими дискурсами или комплексами текстов, которые конституируют значения. Несмотря на то, что эти подходы уделяют большое внимание тому, как конструируются нарративы и разговоры, они в меньшей степени уделяют внимание конструированию более широкой социальной реальности. Равным образом этнографы часто преследуют цель раскрытия значения социальной реальности для участников, но в меньшей степени интересуются тем, как социальная реальность становится возможной благодаря конструктивным эффектам

различных дискурсов и связанных с ними текстов. Этнометодология фокусируется на генеративных правилах, которые делают возможными социальные взаимоотношения, но ее фокус – на наблюдении за действиями, а не на изучении текстов. В Примере 1.1. мы рассмотрим количественные и качественные подходы к изучению феномена и сравним их с тем, как его исследовали бы дискурс-аналитики.

Пример 1.1. Анализ глобализации

Количественные исследования глобализации основываются на сборе информации о степени очевидности глобализационных процессов в определённых ситуациях. Исследователи собирают статистические данные об иностранных прямых инвестициях, количестве стратегических союзов с иностранными компаниями, решениях Всемирной Торговой Организации, применении технологий в развивающихся странах, размере и характере торговых потоков, индикаторах доминирования глобальной поп-культуры. Такие исследования связывают степень глобализации, выраженную в указанных количественных показателях, с конкретными измерениями, такими как рентабельность, бедность, демографические тенденции и т.д. Этот подход рассматривает концепт глобализации как нечто само собой разумеющееся и направлен на выявление связей между конкретными практиками и их результатами и, как следствие, формулирование выводов о доминировании или эффективности глобализации.

Качественные исследования глобализации могут принимать различные формы. Например, в этнографии исследователь, проживающий в небольшой деревне в развивающейся стране, может изучать значение и влияние новых интернет-подключений на жителей деревни; как присутствие мультинациональных компаний влияет на жизнь семьи; или как глобальные призывы к запрету использования детского труда влияют на экономическое и социальное благосостояние. Исследователи могу также провести этнографическое исследование в индийской телефонной компании, в котором выявлялось бы, как сотрудники компании представляются по телефону звонящим людям со всего мира и какое это имеет значение для них. Можно провести нарративный анализ с целью выявления историй, которые рассказывают люди, описывая различные глобальные практики с помощью таких средств, как сюжет, нарратор и персонажи, для выявления, например, того, какое значение для них имеют новое интернет-кафе, международная организация или внезапное исчезновение зарубежного рынка. Можно также применить конверсационный анализ для изучения тинэйджеров в различных странах, беседующих о значении, которое имеет для них MTV, и о том, что они считают важным в стиле одежды. Возможно также проведение интервью с ключевыми деятелями ВТО или ООН, чтобы выявить их взгляды на дифференциацию Севера и Юга и сравнить их комментарии с мнением официальных лиц в правительстве южных стран. Политический анализ может основываться на неструктурированных интервью и включенном наблюдении и быть направлен на изучение политической и культурной дислокации, вызванной поглощением маленькой местной фирмы крупной мультинациональной корпорацией, и выявление открытых и скрытых действий союзов, организаций, сотрудников, направленных на сопротивление или изменения. Все эти качественные подходы, каждый в своём ключе, направлены на изучение социальной и политической динамики, связанной с глобализационными практиками, и значения, которые эти практики имеют для индивидов, на которых они оказывают воздействие. «исследователей-качественников» в большей степени интересуют значения, а не «факты» глобализации; однако, они также рассматривают глобализацию как «данность».

Дискурсный анализ предполагает изучение того, как стал возможен сам концепт глобализации – почему сегодня у него есть самостоятельное значение, а 60 лет назад не было. Исследователи могут изучать, как дискурс глобализации обусловлен прочими дискурсами и как он влияет на них – например, дискурс свободной торговли и либерализма, дискурс о новых технологиях, бедности и демократии, и даже дискурс о здоровье и терроризме, а также

как он создается с помощью различных текстов – от академических статей до сводки новостей на CNN. Можно также исследовать, как широкий дискурс глобализации формирует значения и смыслы разрозненных и противоречивых паттернов экономической, социальной, географической и культурной деятельности. На локальном уровне исследователи могут анализировать, как дискурс глобализации делает возможными или необходимыми некоторые практики – например, деловые операции в мультинациональных организациях, ограничения в отношении беженцев, торговые связи между странами – а также как это создает и разрушает различные идентичности. Можно также изучать, как конкретные акторы используют дискурс глобализации, чтобы легитимировать их позиции и действия. Рассмотрение различных текстов, имеющих отношение к глобализации, и анализ их связи с широким экономическим, социальным и политическим контекстами и со специфичными практиками позволяет дискурс-аналитикам сделать выводы о самом понятии глобализации, о его условности и незавершенности, но в то же время и о взаимодействии дискурсов, текстов и практик, создающих определенную реальность.

Таблица 1.1. – Виды данных и традиции в дискурс-анализе

Виды данных в дискурс-анализе	*Традиции в дискурс-анализе*
■ Интервью	■ Конверсационный анализ
■ Фокус-группы	■ Фукодианский анализ
■ Документы и архивы	■ Критический дискурс-анализ
■ Естественные разговоры	■ Критическая лингвистика
■ Политические выступления	■ Дискурсивная психология
■ Газетные статьи	■ Бахтианские исследования
■ Мультипликационные фильмы	■ Интеракциональная лингвистика
■ Романы	■ Этнография разговора

Источник: Wetherell, M. (2001) Debates in discourse research. In M.Wetherell, S.Taylor, and S.J.Yates (Eds.), *Discourse theory and practice: A reader* (p.38). Thousand Oaks, CA: Sage.

Тем не менее, важно отметить, что некоторые традиционные качественные подходы могут быть представлены в дискурс-анализе. Например, конверсационный анализ и нарративный анализ могут быть использованы, чтобы связать «микрособытия» с более объемными дискурсами и показать, как нарративы и разговоры конструируют социальный опыт (например, O'Connor, 1995; Stokoe, 1998; van Dijk, 1993). Так же, этнографические методы всегда были важным элементом дискурс-аналитических исследований, в ходе которых выявляется взаимодействие дискурсов в конкретных практиках (например, Covalevski, Dirsmith, Heian & Sajay, 1998; Fletcher, 1998). Контент-анализ, понимаемый не как механический подсчет, но как более интерпретативная форма исследования, может быть использован для выявления связи содержания текста с более широкими дискурсными контекстами. Например, Эллингсон (Ellingson, 1995) провел контент-аналитическое исследование газетных материалов и редакционных статей, идентифицируя темы и риторические стратегии в их связи с адресантом и аудиторией; Холмс (Holmes, 1998) провел контент-анализ женских речей в их связи с властью и статусом. Несмотря на то, что философия, лежащая в основе дискурс-анализа, отличает его от других видов анализа, границы между ним и другими качественными методами зачастую стирается в ситуациях конкретных исследований. Дискурс-аналитики прибегают к использованию широкого спектра интерпретативных техник – от микроанализа индивидуальных высказываний до макроанализа корпуса текстов;

как показывает Таблица 1.1., дискурс-анализ заимствует многое из традиционных качественных методов.

То, что делает исследовательскую технику дискурсной, - это не метод как таковой, а *использование* метода для достижения целей интерпретативного анализа определенного вида текста в аспекте понимания дискурса и его роли в конституировании социальной реальности. В силу того, что многие качественные техники используются в дискурс-аналитической онтологии и эпистемологии, они могут трактоваться как дискурсные методы.

Необходимо упомянуть еще об одной характеристике дискурс-анализа: дискурс-аналитические методы являются неизбежно рефлексивными, поскольку последовательная социально-конструктивисткая эпистемология, на которой они основаны, распространяется также и на действия академических исследователей. Академический дискурс также конституирует определенную реальность, и мы постоянно вынуждены обращать внимание на нашу роль в конституировании категорий и границ, производящих реальность определенного рода (Marcus, 1994). В то время, как другие подходы принимают аналитические категории в качестве само собой разумеющихся и связывают с ними данные, дискурс-аналитики обращают внимание на социально сконструированную природу самих исследовательских категорий.

> *«Задачей дискурс-анализа является не применение категорий к речи участников, а, скорее, идентификация способов, которыми участники сами активно конструируют и используют категории в своей речи. Более того, любая категоризация является условной; анализ предполагает постоянную рефлексию по процессам категоризации в которые включены как участники, так и аналитик». (Wood & Kroger, 2000. pp. 29-30)*

Даже обоснованная теория, которая направлена на формулирование категорий на основе эмпирических наблюдений, не проблематизирует их так, как это делает дискурс-анализ. Она признает необходимость «прочтения» исследователем данных (это необходимо для работы с протоколами исследования). Дискурс-аналитики, в свою очередь, ориентированы на со-конструирование теоретических категорий на разных уровнях, включая уровень самого исследователя, предмета исследования, академического сообщества и даже общества, а также они стремятся выполнить и представить свои исследования так, чтобы учесть все эти сложные отношения (Alvesson & Sköldberg, 2000; Clegg & Hardy, 1996a; Hardy, Phillips & Clegg, 2001).

Необходимость связывать текст, контекст и дискурс, а также инкорпорировать высоко субъективное и рефлексивое использование методов ставит главный вопрос перед исследователями: как «справиться» с этой сложной системой? Мы никогда не сможем изучить все аспекты дискурса и мы неизбежно вынуждены выбирать ограниченный комплекс текстов для задач исследования. И тем не менее, мы как дискурс-аналитики должны ссылаться на более объемные дискурсные образования, признавать наличие определенных текстов

в больших комплексах текстов и учитывать трехаспектность нашего исследования. Мы также сталкиваемся с перспективами совершенствования метода в процессе применения конкретных аналитических процедур, интерпретируя и сравнивая различные значения. И, выполнив всё это в рамках исследования, мы должны обосновать наш труд в соответствии с нормами академической публикации. Именно эта сложность и неоднозначность ставит формулирует главный вызов перед дискурс-анализом – и это одна из причин, по которой мы написали эту книгу, хотя на этом этапе читатель, вероятно, все еще задается вопросом о том, для чего вообще нужен дискурс-анализ.

2. ПРИЧИНЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА

В этом разделе мы обсудим некоторые причины применения дискурс-анализа. Если мы располагаем изобилием более разработанных методологий, а также если мы сталкиваемся с описанными выше сложностями, связанными с применением дискурс-анализа, с чем связана необходимость использования дискурсной методологии в эмпирическом исследовании? Причины *не* применять дискурс-аналитический подход очевидны. Во-первых, любой новый метод требует существенных инвестиций времени и энергии в его разработку. Дискурс-анализ, безусловно, не является исключением из правил в этом отношении, особенно учитывая относительно ограниченное количество методологических работ и общепризнанных образцов, могущих послужить гидом для новичков в сфере дискурс-анализа. Во-вторых, что более важно, новые методы по определению не институционализированы. Исследователи сталкиваются с существенными препятствиями, предпринимая попытки опубликовать или представить результаты работы, которая их коллегам кажется незнакомой и которую сложно связать с существующими результатами в той или иной области. Авторы, использующие этот метод, сталкиваются с дополнительными рисками, когда необходимо оценить их работу при избрании на должность или защите диссертации, поскольку относительная редкость исследований в области дискурс-анализа затрудняет их оценку, а некомпетентные рецензенты не могут высказать мнение об их значимости. В-третьих, дискурс-анализ – это трудоёмкий и затратный в отношении времени метод. В академической культуре с ее жестким требованием соблюдения сроков и действующим принципом «публикуйся или погибни» существуют более простые и быстрые альтернативы проведения исследований.

Несмотря на эти проблемы, мы полагаем, что существует ряд весомых причин, по которым дискурс-анализ сыграет важную роль в будущем социальных наук. Эти причины перевешивают неудобства использования нового и непроверенного исследовательского метода и, на личном уровне, убедили нас применять дискурс-анализ в наших исследованиях и написать эту книгу, чтобы помочь тем, кто собирается применить этот метод.

Далее мы обратим внимание на пять причин, по которым исследователям стоит применять дискурс-анализ. Некоторые из них специфичны именно для дискурсной теории и дискурс-анализа, в то время как другие отражают объективные изменения в интересующем нас исследовательском поле – теории

организации и управления. Изменяющаяся природа «организации» привела к возрастающей потребности поиска новых способов изучения старых тем, а также эффективных способов исследования новых тем. Здесь стоит сделать одно небольшое замечание. Несмотря на то, что мы написали эту работу с целью обобщения, и что проблемы и их решения связаны с различными дисциплинами, многие из приводимых нами примеров связаны с организациями. К тому же, несмотря на то, что исследования организаций предполагает изучение индивидов и сообществ, а также собственно организаций, мотивы использования дискурс-анализа в этой сфере не отличаются от причин проведения дискурс-аналитического исследования в иных областях.

«Лингвистический поворот»

Последние 30 лет ознаменовались своего рода революцией в гуманитарных и социальных науках. Начиная с работ таких авторов в области философии языка, как Витгенштейн (1967) и Уинч (1958), общепризнанной стала идея о том, что язык – это гораздо больше, чем просто отражение реальности, и что это фактически *конститутив* социальной реальности. Эти труды сильно повлияли на таких социологов, как Бергер и Лукман (1967) и антропологов, как Гирц (1973), чьи работы создали основу конструктивистского подхода к социальным феноменам. Этот подход широко распространился в социальных науках и стал общепризнанным, в условиях, в которых многие дисциплины, говоря словами Гергена (1999, p.16), «вибрировали в сторону постмодерна» и боролись с кризисом репрезентации и легитимации (Denzin & Lincoln, 1994; Rosenau, 1992).

Признание конструктивной роли языка проблематизирует сами основы исследования, поскольку под вопрос ставятся объективность, непредвзятость, независимость исследователя, переосмысливаются принципы определения истины и знания, а вопрос о том, как функционируют вещи ("how things work"), заменяется вопросом о том, что *означают* вещи (Winch, 1958). Социальные науки занимаются не просто подсчетом – определением и измерением переменных и связей между ними, они также занимаются интерпретацией того, что означают социальные отношения, свидетельством чему являются крепкие традиции качественных методов исследования. В контексте лингвистического поворота многократно возрастают требования, предъявляемые к интерпретативным исследованиям. Мы как исследователи более не заинтересованы просто в ответе на вопрос, что означает социальный мир для населяющих его субъектов; мы заинтересованы в ответе на вопрос, как и почему социальный мир приобретает те значения, которыми он располагает. Мы также заинтересованы в ответах на вопрос о том, как мы как исследователи вовлечены в этот процесс (Clegg & Hardy, 1996a; Hardy et al., 2001). Дискурс-анализ как один из методов изучения этих в высокой степени рефлексивных процессов социального конструирования, в таком аспекте привлекает всё большее внимание (Alvesson & Karreman, 2000a).

Поскольку лингвистический поворот коснулся многих дисциплин,

исследователи обращаются к дискурс-анализу, чтобы изучить последствия этого поворота для эмпирических исследований. Несмотря на несколько запоздалое обращение к этому подходу по сравнению с другими гуманитарными и социальными науками, исследователи в области теории организации и менеджмента также начинают придавать большое значение изучению языка (Alvesson & Karreman, 2000a). Идея о том, что организации являются социальными конструктами и существуют преимущественно в языке (в широком смысле) становится широко распространенной. В результате исследователи стремятся обнаружить новые способы изучения этих процессов. Дискурс-анализ предлагает именно такую методологию, поскольку он основан на эксплицитной конструктивистской эпистемологии, рассматривающей язык как скорее конституирующее и конструирующее, чем рефлективное и репрезентативное явление (Wood & Kroger, 2000).

Новые и реконцептуализированные темы исследования

Глубокие изменения в обществе привели к появлению новых тем исследования, что подчеркивает роль дискурс-анализа как жизнеспособной и полезной методологии. Так, исследования природной среды, глобализации и культуры сравнительно недавно привлекли внимание представителей различных дисциплин, эффективно применявших дискурс-анализ. В рамках более узких теорий организации и менеджмента изучение эмоций (например, Fineman, 1996; Mumby & Putnam, 1992) является одним из примеров относительно новой области, в которых применение дискурсного подхода привело к значительным результатам. Новые темы исследований формулируют новые вызовы для исследователей в отношении создания новых категорий и привлечения внимания к тому, как конструируются и поддерживаются границы. Традиционные качественные подходы могут прояснить смысл этих категорий, а количественные подходы часто предлагают обобщенные утверждения о связи между категориями, но ни разъясняют, как возникли эти категории, ни как обеспечивается их существование. Фактически, традиционные методологии часто реифицируют категории, создают иллюзию их естественности и устойчивости во времени. Дискурс-анализ, со своей стороны, предлагает такой способ анализа динамики социального конструирования, в процессе которого производятся эти категории и сохраняются границы между ними.

Многие другие предметы исследования были реконцептуализированы и сегодня требуют применения подходов, принципиально отличающихся от тех, которые были использованы ранее. Например, идентичность долгое время изучалась в ряде дисциплин, но главным образом в контексте попыток исследователя раскрыть или понять индивидуальную «правду» или сущностную идентичность (Nkomo & Cox, 1996). В последнее время, дискурсивная психология прочно обосновывается в таких дисциплинах, как психология (Condor & Antaki, 1997; Potter & Wetherell, 1987), гендерных исследованиях (Tannen, 1994), теории организации и менеджмента (Calas & Smircich, 1991; Mumby & Stohl, 1991) и теория социальных движений, а это происходит именно

вследствие необходимости понять, как идентичности конструируются на продолжительной, диалогичной и дискурсивной основе.

Воскрешение критических теорий управления

Еще одной важной причиной возросшей потребности в дискурс-анализе в теории организации и менеджмента связана с обновленным интересом к критическим теориям управления. Критика менеджериализма имеет долгую традицию в теории организации и менеджмента, связанную с ранними работами в области марксизма и наиболее радикальным прочтениями Вебера (Hardy & Clegg, 1996). Она возникает в рамках различных теоретических течений, таких как теория трудовой деятельности (Braverman, 1974; Burawoy, 1979; Edwards, 1979), работ по проблеме власти (Clegg, 1975; Hardy, 1985; Lukes, 1974), исследований в области культуры и идеологии (Smircich, 1983; Willmott, 1993) и многих других. Распространение постмодернизма в теориях организации и менеджмента закономерно усилило эту линию теоретизирования (Burrell, 1988; Cooper & Burrell, 1988). Впоследствии, интеграция постмодернистских и постструктуралистских взглядов вернуло к жизни критические теории управления и привлекло внимание исследований к воскрешенной повестке дня этих теорий (Alvesson & Deetz, 2000; Alvesson & Willmott, 1992a, 1992b; Fournier & Grey, 2000).

Большинство обновленных исследовательских тенденций сфокусировались на взаимодействии между критической и постмодернистской теориями (Alvesson & Deetz, 1996; Mumby, 1992) и особенно на связи между властью и значением – на способах интеграции знания в динамику власти. Основываясь преимущественно на работах Фуко, исследователи обращают внимание на то, как процессы социального конструирования приводят к созданию социальной реальности, которая воспринимается как сама собой разумеющаяся и приводит к доминированию одних индивидов над другими (например, Clegg, 1989). В то же время, исследователи стремятся изучить эти политические процессы, стараясь не попасть в критическую ловушку «позиции вне» властных отношений, которые они изучают (Hardy & Clegg, 1996). Эти новые вызовы критическим теориям управления привели к потребности в новых методах, которые выявили бы процессы, от которых зависит распределение власти в организациях и в исследовании.

Этот новый и обновленный интерес к проблеме власти связывается не только с теорией организации и менеджмента. Исследователи в таких областях, как теория социальных движений, теория коммуникации, психология, гендерные исследования также обращают внимание на властные процессы. В результате, появляются благоприятные возможности для применения таких методов, как критический дискурс-анализ и критический лингвистический анализ (Fairclough, 1992, 1995; Mumby & Stohl, 1991; Parker, 1992) относительно различных предметов исследования, а не только организаций.

Развитие постбюрократических организационных форм

Еще одной причиной повышенного интереса к дискурс-анализу в теории организаций и менеджмента является изменение самих организационных и управленческих практик за последнее несколько десятилетий. Рассуждая о состоянии теории организации и менеджмента за последние 30 лет, Клегг и Харди (1996b, p.2) отмечают, что в 60-х «иерархии были нормой, персональные компьютеры еще не были изобретены, а единственным способом быстрой связи был телефон. Было просто невозможно представить себе новые технологии, которые впоследствии изменили облик организаций». Сегодня мы являемся свидетелями огромного количества новых организационных форм; широкого распространения новых информационных технологий; усиливающейся глобализации бизнеса, труда и культуры, а также сопротивления им; возрастающей роли компаний, деятельность которых основана на использовании знаний и символов.

Эти изменения в практиках привели к возросшей потребности в изучении более эфемерных аспектов организации. Всё сложнее становится изучать организации так, как если бы они были прочными и фиксированными материальными объектами, если мы знаем об их изменчивости и противоречивости. Как следствие, мы вынуждены выявлять рассказы, нарративы и символы – т.е. дискурсы – которые удерживают воедино взаимоисключающие процессы и делают их «реальными» для нас (Chia, 2000). Дискурс-анализ предлагает мощный способ изучения этих ускользающих, эфемерных феноменов, а значит представляется незаменимым, если мы хотим узнавать и сообщать об организационных и управленческих практиках.

Ограничения традиционных методов и теорий

И наконец, причиной, которая, на наш взгляд, является важной, связана с усиливающимися в социальных науках призывами к плюрализму. Представление об «одном лучшем методе» все чаще ставится под сомнение и заменяется идеей о том, что исследование выигрывает от использования различных методов и теорий (Clegg & Hardy, 1996b). Многие исследователи находят традиционные подходы слишком ограниченными и монотонными. Вместо того, чтобы использовать один и тот же метод для интенсивного изучения одного и того же феномена, более продуктивным представляется применение другого, отличающегося метода (Alvesson & Deetz, 2000). Применение нетрадиционного метода способствует обнаружению феноменов, скрытых при многократном применении традиционных методов – способы видеть являются также способами *не* видеть. Применение дискурс-аналитического подхода позволяет исследователям выстраивать и наполнять содержанием иные теоретические комплексы, предлагая новые идеи, концепты и вызовы. Стоит также отметить тот факт, что исследование мира организаций нетрадиционными способами просто гораздо интереснее. Эти способы по определению неинституционализированы, что позволяет исследователям применять творческий подход и инновации в своих исслдеованиях и интерпретациях.

Итак, мы видим, что дискурс-анализ вносит важный вклад в развитие

плюрализма в исследовании, а также представляет собой способ интеграции эффектов лингвистического поворота, изучения новых феноменов и практик и актуализации повестки дня критических теорий. Он может ставить новые проблемы и подвергать сомнению старые истины, но, как отмечают Клегг и Харди (1996b, p.8), «мы учимся благодаря столкновению различных подходов, многообразию и неопределенности значений, а не благодаря декламации предлагаемых стандартов, консенсуса и согласия, которые предполагают безоговорочное принятие».

Библиография

1. Alvesson, M. & Deetz, S. (1996). Critical theory and postmodern approaches in organizational studies. In S. R. Clegg, C. Hardy, & W. R. Nord (Eds). Handbook of organization studies (pp. 191-217). London: Sage.
2. Alvesson, M. & Deetz, S. (2000). Doing critical management research. London: Sage.
3. Alvesson, M. & Karreman, D. (2000a). Taking the linguistic turn in organizational research: Challenges, responses, consequences. Journal of Applied Behavioral Science. Nб. 136-158.
4. Alvesson, M. & Karreman, D. (2000b). Varieties of discourse: On the study of organizations through discourse analysis. Human Relations, .53, 1125-1149.
5. Alvesson, M.. & Skoldberg, K. (2000). Reflexive methodology: New vistas for qualitative research. London: Sage.
6. Alvesson, M. & Willmott, H. (1992a). On the idea of emancipation in management and organization studies. Academy of Management Review. 17. 432-164.
7. Alvesson, M.. & Willmott, H. (1992b). Critical management studies. London: Sage.
8. Berger, P L. & Luckmann, T. (1967). The social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge. Garden City, NY: Anchor.
9. Braverman, H. (1974). Labor and monopoly cannot New York: Monthly Review Press.
10. Burawoy, M. (1979). Manufacturing consent. Chicago: University of Chicago Press.
11. Burrell, G. (1988). Modernism. postmodernism and organizational anal[y]sis: The contribution of Michel Foucault. Organization Studies. Ч. 221-235.
12. Calas, M. B. & Smircich, L. (1991). Using the "F"-˙ word: Feminist theories and the social consequences of organizational research. In A. Mills & P. Tancred (Eds), Gendering organizational analysis (pp. 222 - 274). London: Sage.
13. Chalaby, J. K. (1996). Beyond the prison-house o! language: Discourse as a sociological concept British Journal of Sociology, 47. 684-698.
14. Chia, R. (2000). Discourse analysis as organizational analysis. Organization, 7, 513-518.
15. Clegg, S. R. (1975). Power, rule and domination. London Routledge.
16. Clegg, S. R. (1989) Frameworks of power. London: Sage.
17. Clegg, S. R. & Hardy, C. (1996a). Representations. In S. R. Clegg, C. Hardy & W. R. Nord (Eds.). Handbook of organization studies (pp. 676-708). London: Sage.
18. Condor, S. & Antaki, C. (1997). Social cognition und discourse. In T. A. van Dijk (Ed), Discourse as structure and process: Volume 2 (pp. 676-708). London: Sage.
19. Cooper, R. & Burrell, G. (1988). Modernism, postmodernism and organizational analysis: An introduction. Organization Studies. 9. 91-112.
20. Coulon, A. (1995). Ethnomethodology. Thousand Oaks. CA: Sage.
21. Covaleski, M. A., Dirsmith, M. W., Heian, J. B. & Sajay, S. (1998). The calculated and the avowed: Techniques of discipline and struggles over identity in the Big Six public accounting firms. Administrative Science Quarterly. 43. 293-327.
22. Czarniawska, B. (1998). A narrative approach to organization studies. Thousand Oaks. CA: Sage.
23. Denzin, N. K. & Lincoln, Y. S. (1994). Handbook of qualitative research. London: Sage.
24. Edwards, R. (1979). Contested terrain. New York: Basic Books.
25. Ellingson, S. (1995). Understanding dialectic of discourse and collective action: Public debate

and rioting in antebellum Cincinnati. American Journal of Sociology. 101. 100-144.
26. Erikson, K. & Stull, D. (1997). Doing team ethnography. Thousand Oaks. CA: Sage.
27. Fairclough, N. (1992). Discourse and social change. Cambridge. UK: Polity Press.
28. Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis: The critical study of language. London: Longman.
29. Fairclough, N. & Wodak, R. (1997). Critical discourse analysis. In T A. van Dijk (Ed.), Discourse as social interaction: Volume 1 (pp. 258-284). Sage: London.
30. Fineman, S. (1996). Emotion and organizing. In S. R. Clegg, C. Hardy & W. R. Nord (eds.), Handbook of organization studies (pp. 543-564). London: Sage.
31. Fletcher, J. K. (1998). Relational practice. A feminist reconstruction of work. Journal of Management Inquiry. 7, 163-186.
32. Foucault, M. (1965). Madness and civilization: A history of insanity in the age of reason. New York: Vintage.
33. Foucault, M. (1972). The archeology of knowledge. London: Routledge.
34. Fournier, V. & Grey, C. (2000). At the critical moment: Conditions and prospects for critical management studies. Human Relations. 53, 7-32.
35. Geertz, C. (1973). The interpretation of culture. New York: Basic Books.
36. Gergen, K. (1991). The saturated self. Newbury Park, CA: Sage.
37. Gergen, K. (1999). An invitation to social construction. London: Sage.
38. Grant, D., Keenoy, T. & Oswick, C. (1998). Organizational discourse: Of diversity, dichotomy and multi-disciplinarity. In D. Grant, T. Keenoy, & C. Oswick (Eds.), Discourse and organization (pp. 1-14). London: Sage.
39. Hardy, C. (1985). The nature of unobtrusive power. Journal of Management Studies. 22. 384-399.
40. Hardy, C. (2001). Researching organizational discourse. International Studies in Management and Organization. 71(3). 25-17.
41. Hardy, C. & Clegg, S. R. (1996). Some dare call it power. In S. R. Clegg, C. Hardy. & W. R. Nord (Eds.). Handbook of organization studies (pp. 622-641). London: Sage.
42. Hardy, C., Phillips, N. & Clegg, S. R. (2001). Reflexivity in organization and management studies: A study of the production of the research "subject". Human Relations. 54, 3-32.
43. Holmes, J. (1998). Women's talk: the question of sociolinguistic universals. In J.Coates (ed.), Language and gender: A reader (pp.461-483). Oxford, UK: Blackwell.
44. Kress, G. (1995). The social production of language: History and structures of domination. In P.Freis & M.Gregory (Eds.), Discourse in society: Systemic functional perspectives (pp.169-191). Norwood, LJ: Ablex
45. Lukes, S. (1974). Power: A radical view. London: Macmillan.
46. Marcus, G. H. (1994). What comes (just) after "post"? The case of ethnography. In N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.), Handbook of qualitative research (pp. 563-574). London: Sage.
47. Mumby, D. (1992). Two discourses on communication. power, and the subject: Jurgen Habermas and Michel Foucault. In G. Levine (Ed.). Construction of the self (pp. 81-104). New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
48. Mumby, D. & Putnam, L. L. (1992). The politics of emotion: A feminist reading of bounded rationality. Academy of Management Review, 17. 465.486.
49. Mumby, D. & Stohl, C. (1991). Power and discourse in organization studies: Absence and the dialectic of control. Discourse and Society 2. 313-322.
50. Nkomo, S. & Cox. T (1996). Diverse identities in organizations. In S. R. Clegg, C. Hardy & W. R. Nord (Eds.), Handbook of organization studies (pp. 338-356). London: Sage.
51. O'Connor, E. S. (1995). Paradoxes of participation: Tactual analysis and organizational change. Organization Studies. 16, 769-503.
52. Parker, I. (1992). Discourse dynamics. London: Routledge.
53. Parker, I. & Burman, E. (1993). Against discursive imperialism. empiricism and constructionism: Thirty-two problems with discourse analysts. In E. Burman & I. Parker (Eds.), Discourse analytic research (pp. 155-172). London: Routledge.

54. Phillips, N. & Brown. J. (1993). Analyzing communication in and around organizations: A critical hermeneutic approach. Academy of Management Journal. 36. 1547-1576.
55. Potter, J. & Wetherell, M. (1987). Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour. London: Sage.
56. Psathas, G. (1995). Conversation analysis. Thousand Oaks, CA: Sage.
57. Riessman, C. K. (1993). Narrative analysis. Newbury Park, CA: Sage.
58. Rosenau, P.M. (1992). Post-modernism and the .social .sciences: Insights. inroads. and intrusions. Princeton, NJ: Princeton University Press.
59. Rushdie, S. (2000). The ground beneath her feet. New York: Picador.
60. Sherzer, J. (1987). A discourse-centred approach to language and culture. American Anthropologist. 89, 295-309.
61. Smircich, L (1983). Concepts of culture and organizational analysis. Administrative Science Quarterly, 28. 339-358.
62. Stokoe, E. H. (1998). Talking about gender: The conversational construction of gender categories in academic discourse. Discourse and Society. 9. 217-240.
63. Tannen, D.(1994). Gender and discourse. Oxford, UK: Oxford University Press.
64. van Dijk, T. A. (1993). Principles of critical discourse analysis. Discourse and Society, 8. 5-6.
65. van Dijk. T. A. (1996). Discourse, power and access. In C. R. Callas-Coulthard & M. Coulthard (Eds.), Texts and practices (pp.84-104). London: Routledge.
66. van Dijk. T. A. (1997a). Discourse as structure and process: Volume 1. London: Sage.
67. van Dijk, T A. (1997b). Discourse as social interaction: Volume 2. London: Sage.
68. Willmott, H. (1993). Strength is ignorance, slavery is freedom: Managing culture in modern organizations. Journal of management studies, 30. 515 – 552.
69. Winch. P. (1958). The idea of a social science. London: Routledge & Kegan Paul.
70. Wittgenstein, L. (1967). Philosophical investigations. Oxford. UK: Blackwell.
71. Woodilla, J. (1998). Workplace communions: The text of organizing. In D. Grant, T. Keenoy & C. Oswick (Eds.). Discourse and organization (pp. 31-50). London: Sage.
72. Wood, L.A. & Kroger, R.O. (2000). Doing discourse analysis: Methods for studying action in text and talk. Thousand Oaks, CA: Sage.

Перевод Е.Кожемякина.